

Е.С. Абелюк

МОДЕРНИЗАЦИЯ ЛИТЕРАТУРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ, ИЛИ СТРАСТИ ПО СТАНДАРТУ

Стандарт — это не обязательно шаблон

Понятие «образовательный стандарт» в нашей жизни появилось не так давно — и практически все время, пока стандарт создавался, шла дискуссия о том, каким он должен быть. Стандарт дорабатывали, переделывали — после выхода каждого нового варианта критический бум усиливался; волны критики распространялись и докатывались до широкой публики. Предмет обсуждения еще не вполне был ясен, и журналисты то и дело путали стандарт с программой, а в разговоре о стандарте по литературе временами всплывало утверждение, что «в литературе стандарта быть не может». В запальчивости забывали, что стандарт — это термин и, определяя его, незачем исходить из всех тех значений, какие присущи этому слову в общесловарном контексте. Образовательный стандарт — не «эталон» и не «технический документ», устанавливающий характеристики эталона. Это и не «трафарет» (пожалуй, в обиходной речи чаще всего мы употребляем слово «стандарт» именно в таком, ироническом значении) — шаблонов в литературе и в самом деле быть не должно.

Что же такое стандарт? Российское нововведение хорошо знакомо зарубежной школе. «Образовательным стандартом» в зарубежном образовании называют рабочий документ, содержащий информацию о том, каковы задачи преподавания того или иного предмета. Для большинства американских и европейских школ (подчеркнем: не только государств, но и конкретных школ) практика формулирования собственного стандарта — обычная вещь. Содержание любого стандарта гарантирует родителям, что, проучившись в школе, их дети получат обещанные знания. Таким образом, стандарт представляет собой своего рода общественный договор и имеет статус закона.

Из истории вопроса

Как только в российском образовании появилась реальная вариативность (возникли авторские школы, учитель получил возможность учить школьников по разным программам и учебникам), вопрос

о стандартах должен был встать с неизбежностью. А стремление Министерства образования России ввести Единый государственный экзамен ускорило их разработку. Дело коснулось и такого школьного предмета, как литература. Первый документ появился в 1998 году; он содержал только список произведений, предлагаемых для изучения; и это, кстати говоря, отличало наш стандарт от стандартов зарубежных стран, таких списков, как правило, не содержащих. Никаких рассуждений о том, для чего школьники изучают литературу, здесь не было. Таким образом, в отличие от стандартов зарубежных школ, речь шла не о том, **как** учить, а о том, **что** учить. Впрочем, и назывался этот документ пока иначе: «Минимальное содержание образовательных программ по литературе» (в народе попросту «минимум»). Он был вариативен: например, учитель мог выбирать между романами Достоевского «Преступление и наказание» и «Идиот», между пьесами Островского «Гроза» или «Лес».

Проект стандарта («Проект федерального компонента государственного образовательного стандарта общего образования»), изданный в двух книжках на шестистах страницах, был предложен общественности для обсуждения в августе 2002 года.

К этому моменту определилась структура российского образовательного стандарта, в том числе и по литературе. Как и в зарубежных стандартах, в нем появился блок целей (определяет цели литературного образования). Сюда же вошел блок требований к выпускнику (определяет результаты литературного школьного образования). Ну а центральное положение в этом документе по-прежнему занимал «минимум» (т. е. список произведений, предназначенных для изучения). Характер последнего существенно изменился — список вырос, а учитель оказался лишенным выбора. Как поясняли потом представители Министерства образования, свободой учителя пришлось пожертвовать — она не давала возможности «полноценно построить единый итоговый контроль».

Так с очевидностью обнаружилась противоречивость процессов, происходящих в образовании: стандарт из инструмента демократизации образования начал превращаться прежде всего в инструмент его контроля.

О реальных интересах детей и возможностях учителей

Похоже, группа разработчиков стандарта (руководители — академики Э. Д. Днепров и В. Д. Шадриков) не ожидала такой бурной дискуссии, какая развернулась после публикации этого документа. На обсуждение отводился месяц — к концу сентября того же 2002 года дискуссия предполагалась завершить. В октябре проект должен был дорабатываться, а в ноябре утверждаться в Министерстве

Е.С. Абелюк
Модернизация литературного образования, или Страсти по стандарту

образования. Однако процесс обсуждения, доработки и нового обсуждения занял более года. Характерно, что «копья ломались» только вокруг «минимума». «Список произведений, предлагающихся к изучению — это «ключ» к преподаванию литературы» — таков основной тезис группы разработчиков. Между тем, мнения обсуждавших стандарт разделились именно по этому пункту. Аргументы высказавшихся «за» представленный список авторов были следующие:

- Школа должна транслировать культуру, создавать единое образовательное пространство в обществе, связывать людей разных поколений. Список произведений, предлагаемых стандартом, и составляет такой «золотой фонд»; овладение им поможет решить задачи, перечисленные в разделе «Цели образования».

- Если есть что-то русское, то это русская литература; человек, принадлежащий к русской культуре, должен знать ее в максимально возможном объеме.

- Классическая русская литература способна воспитать нравственного человека; не воспользоваться этим нельзя. Следовательно, в школьный курс литературы следует включить как можно большее число произведений.

- Классическое литературное наследие, составляющее список обязательного школьного чтения, станет для юношей и девушек прививкой от навязываемой обществом массовой культуры.

С большинством этих тезисов трудно спорить, да и незачем. Однако для того, чтобы единое культурное пространство создавалось и внуки понимали бабушек, чтобы классическая русская литература воспитывала молодого человека и отвращала его от псевдокультуры, нужно, по крайней мере, привить ему любовь к чтению. Сегодня, к сожалению, мы видим другую картину: наши дети не любят читать, а если и читают, то, как правило, не книги из «золотого фонда» русской (или мировой) литературы. Кто виноват? Неужели учителя, которых так часто клянут за «серость»? Бывает, что и они. Нередко учителю не хватает образованности; далеко не каждый учитель литературы сам способен писать (речь, конечно, не о литературном творчестве, а о критическом, или литературоведческом, или даже методическом). И все же поразительно, как много среди учителей энтузиастов — не многие профессии могут похвастаться таким их числом.

Истоки неудовлетворительного преподавания литературы — в том числе и в пресловутом списке, в его раздутости. Но мы снова и снова требуем его расширять. Так, выступая в дискуссии по поводу стандарта, А. Вознесенский сказал: «В школе нельзя обойтись без всех классиков! В программу надо включить не только Пастернака,

но и Заболоцкого, Ахмадулину, Бродского, Евтушенко, Искандера, Сорокина...» Другие поэты (и просто другие участники дискуссии) называли других «обязательных» авторов. Вокруг некоторых имен развернулась настоящая борьба. Такие огромные эпические полотна, как «Тихий Дон» М. Шолохова и «Доктор Живаго» Б. Пастернака, были включены разработчиками в окончательный список с целью достижения идеологического консенсуса в обществе! Что говорить, задача похвальная. Но это политическая задача, не связанная с воспитанием в школьнике читателя.

При таком подходе мы (школа) как не умели читать медленно, радуясь своим открытиям в тексте, так и не будем уметь. Стандарт, каким общество хотело бы его видеть, не оставляет пространства для эстетических переживаний и размышлений ни учителю, ни ученику.

Добавим: имен и обязательных для изучения произведений русской литературы в перечне значительно больше, чем было их в школьных программах родителей и дедов современных школьников. Не забыты в стандарте и имена Гомера и Данте, Сервантеса и Шекспира, Мольера и Гете, Шиллера и Гофмана, Байрона и Мери-мэ, Э. По и О. Генри, Дж. Лондона и Сент-Экзюпери и прочее, и прочее. Тем не менее очевидно: зарубежную литературу в массовой школе изучать пока не будут.

Так, может, надо как у французов? Три — четыре произведения в год. Читать во фрагментах, обращать внимание на красоты стиля, а не на идеи, медленно и со вкусом анализировать стихи. Такое преподавание литературы дает свои результаты: говорят, что французы с удовольствием вспоминают свои школьные уроки литературы, а учителя пользуются у них в обществе неизмеримо большим уважением, чем у нас. Правда, и там Министерство образования дает рекомендательный список литературы, но только для гуманитарных школ. Кроме того, список этот неизмеримо меньше нашего. Так юным французам прививают культуру чтения. Впрочем, и культуру писания — требования к письменным работам во Франции очень высоки.

О высоких словах, конкретных целях и невыполнимых требованиях

О том, как понимаются задачи школьного литературного образования в управленческих образовательных структурах, можно судить по уже прозвучавшим аргументам в защиту «списка». Стандарт по литературе начинается словами о «воспитании духовно развитой личности», о «формировании гуманистического мировоззрения, гражданского сознания, чувства патриотизма» и подобных высоких вещах. Вообще-то все только что перечисленные и чрезвычайно важные вещи к литературе имеют примерно такое же отношение,

как к истории или другим школьным предметам. Подлинная задача *литературного* образования — привить любовь к чтению и научить читать; если эта задача будет решена, то литература, на которой наши дети растут, сама будет воспитывать нравственные, гражданские и прочие добрые чувства. Нельзя сказать, чтобы авторы стандарта не осознавали этого: речь в документе, который мы имеем сегодня, идет об «освоении текстов художественных произведений в единстве формы и содержания», а это как раз и есть путь к формированию читательской культуры. Постановка такой задачи литературного образования означает, что для нас, как, например, и для французов, важно не только **что** читать, но и то, **как** читать, что существенны не только **идеи**, воплощенные в художественном произведении, но и та **форма**, в которой эти художественные идеи сказались.

В процессе работы над стандартом задачи литературного образования уточнялись, становились все более конкретными, соответствующими художественной специфике литературы. И все же традиционные пафосные слова остались — мы, видно, так к ним привыкли, что без них уже не можем. Если же посмотреть на сформулированные в стандарте задачи литературного образования в целом, можно увидеть: они настолько сложны, что вряд ли достижимы. Впрочем, авторов стандарта в этом упрекать, возможно, и не стоит — выстраивая какую-то систему, всегда хочется представить ее себе в некотором идеальном выражении.

За блоком целей следует «список», о котором мы уже достаточно подробно говорили. За ним — «Требования к уровню подготовки учеников». И это как будто бы логично, стандарт ведь появился для того, чтобы в условиях вариативности образования обеспечить выпускникам разных школ равенство возможностей; все они должны иметь шансы сдать ЕГЭ и поступить вузы. Учитель и будет строить свою работу, опираясь на эти требования.

«Требования» не вполне соотносены с «целями» — и действительно, как проверить степень патриотизма или уровень любви к родной природе? (Впрочем, уже говорилось о том, что цели подобного рода — скорее дань традиции.) Вообще в процессе доработки стандарта требования стали конкретнее и потому осмысленнее. Но и теперь среди них много надуманных. Так, выпускник должен «выявлять сквозные темы, ключевые проблемы русской литературы». Любого выпускник? И зачем? Кому нужна такая высокая степень абстрагирования? Должен уметь «соотносить художественную литературу с общественной жизнью и культурой». Не приведет ли такое требование к упрощенному толкованию литературы? Должен «связывать литературную классику со временем

написания и современностью» и так далее — много еще чего должен выпускник обычной школы. К выпускнику профильной школы требования, конечно, еще выше. Например, будущий гуманитарий должен знать «историко-культурный контекст и творческую историю изучаемых произведений». Трудно будет на основе таких требований составить тесты для единого государственного экзамена.

Что же мы имеем в целом? Невыполнимые «цели», нереалистичный «список», который нужно втиснуть в неуклонно сокращающиеся так называемые «объемные показатели» (число часов, отведенных на предмет в каждом классе) плюс завышенные и часто неконкретные «требования». Такое сочетание делает стандарт нежизнеспособным. При чтении этого документа вообще возникает ощущение, что перед теми, кто его заказывал, не стояла задача согласовать стандарт с реальностью.

Страсти
по стандарту

Напрасно во время дискуссии стороны призывали друг друга к спокойствию — выдержки не хватало всем. Почему? Мало ли у нас нежизнеспособных законов? Появится еще один. И вообще, кому он нужен, этот стандарт?

На первый взгляд, стандарт предназначен только для тех, кто пишет программы, учебники и материалы для итоговой аттестации.

Представители Министерства образования характеризовали этот документ так: это «тот минимум содержания образования, который должен быть получен учеником любой школы Российской Федерации»; «это лишь ядро, на которое авторы программ наращивают свое содержание». Что же получится, если авторы программ еще и «нарастят» что-то на и без того разбухшее «ядро»? Даже представить себе трудно.

А как быть с учебниками? Представим себе, что авторы умудрились не превратить учебник в очередной справочник (что естественно при таком минимуме), а написали книгу, которая будоражит мысль, оставляет перспективу для размышлений, а не закрывает ее (думается, сегодня такие учебники нужны). С чем они столкнутся? А с тем, что «не влезают» в «санитарный минимум» (для учебников это определенный объем, вес, кегль и т. п.). Таким авторам обязательно скажут: «А почему у вас Блок такой большой? Или Булгаков? А почему у вас Шолохов меньше, чем Маяковский?». И неважно, что Шолохов в стандарте представлен в обзорном изучении, а Маяковский — в основательном. Так что стандарт с таким минимумом будет способствовать нивелировке разных программ и учебников, приведет к их унификации.

А какова степень угрозы, которую стандарт несет школе, особенно творческой, авторской? Когда во главу угла ставится список,

Е.С. Абелюк
Модернизация литературного образования, или Страсти по стандарту

Стандарт
и развитие
образования

может получиться, что качество образования будет определяться только соответствием программы, учебника, учебного плана стандарту. Если же это соответствие неполное и школа не дает гарантированного минимума, на нее можно подать в суд. Но есть ли в России хоть одна школа, способная выполнить этот минимум, а выполнив, не навредить ученику, не привить ему устойчивого отвращения к чтению? Не будем себя обманывать — нет, конечно. Так что у педагогического сообщества были причины волноваться.

И все-таки, что изменится в школьной практике при введении стандарта? В самое ближайшее время, по-видимому, ничего. Стандарт соответствует традиции экстенсивного (а не интенсивного) изучения литературы и консервирует эту традицию. Он игнорирует зазор, существующий между современными программами и реальной жизнью. Кто подсчитывал, сколько программных произведений реально изучается в школе, а сколько остается не пройденным? Сколько изучается неторопливо и глубоко, а сколько поверхностно? С введением стандарта этот зазор еще более увеличится, т. к. число авторов и произведений, предлагаемых для изучения, только возрастет.

А значит, ситуация с течением времени усугубится: преподавание литературы будет становиться все более формальным.

Как быть? Отказаться от доброй традиции отечественного образования — изучения историко-литературного курса? Читать литературу во фрагментах? Или, быть может, выкинуть обязательные «перечни» и дать учителям свободно работать по собственным программам, не связанным со стандартом? А то и вовсе предоставить возможность выбора ученикам? Но они, скорее всего, выберут не классику, а развлекательное чтение, с которым вполне справятся сами, без школы. Изменив традиции, мы можем забыть о своих «культурных корнях», потерять искомое объединяющее людей разных поколений «культурное пространство».

А если отказаться от идеи охватить необъятное и значительно, в несколько раз, сократить список? Дать учителю возможность воспитывать заинтересованных и вдумчивых читателей на свой страх и риск, отводя главную роль не знакомству с содержанием огромного списка, а тщательному освоению нескольких произведений, поняв смысл которых, ученик затем сможет читать столь же глубоко все, что ему захочется? Сочетать чтение «списочной классики» и произведений на выбор учителя, а возможно, и учеников? Не задавать школьному литературному образованию неоправданно сумасшедшего темпа, дать возможность учителю и ученикам

в совместном творческом чтении искать ответы на возникающие вопросы; на уроке вслух читать и комментировать текст — словом, быть читателями-исследователями?

Одновременно придется пересмотреть концепцию выпускного школьного экзамена, соответствующего жесткому стандарту. Без особых потерь можно было бы отказаться от сочинения в той форме, в которой оно сегодня проходит, когда заранее известен не только круг авторов и произведений, но и круг тем и подготовка к сочинению есть не что иное, как натаскивание; когда задача научить писать сочинение (то есть научить думать, находить для мыслей адекватную форму выражения, понимать прочитанное и т. д.) на наших глазах превращается в совершенно иную, подменяется: научить писать на *определенную* тему (и заметьте, нередко еще и строго определенные вещи на определенную тему). Этого можно избежать, например, предложив школьникам на экзамене проанализировать небольшой незнакомый художественный текст.

Конечно, и сейчас есть и учителя, и ученики, для которых важен сам процесс поиска, а не готовый шаблон. К сожалению, стандарт в его нынешнем виде не будет способствовать увеличению числа таких чудаков.

Стандарт
в движении

Мы пришли к тому, что традиция не должна связывать; закрепляя ее, стандарт может содержать и возможности для развития образования. Значит ли это, что огромная работа, проделанная коллективом авторов, бессмысленна и ее нужно начинать с нуля? Нет, конечно. Не случайно во время дискуссии возникла идея создания «постоянно действующих институтов обсуждения стандарта и разработки альтернативных проектов». Характерно, что подобная мысль высказывалась не только у нас: «Если стандарты не изучаются и не обновляются регулярно, они могут стать основным препятствием для изменений», — писал в своем обзоре главный редактор «Журнала химического образования» Дж. У. Мур (США, июнь 2004)¹. Значит, обществу не стоит жалеть времени на анализ тенденций развития образования, осмысление стандарта и работу над ним — результат этой работы имеет отношение к каждому из нас.

---

¹ Journal of Chemical Education. 2004. Vol. 81. № 6. P. 775.